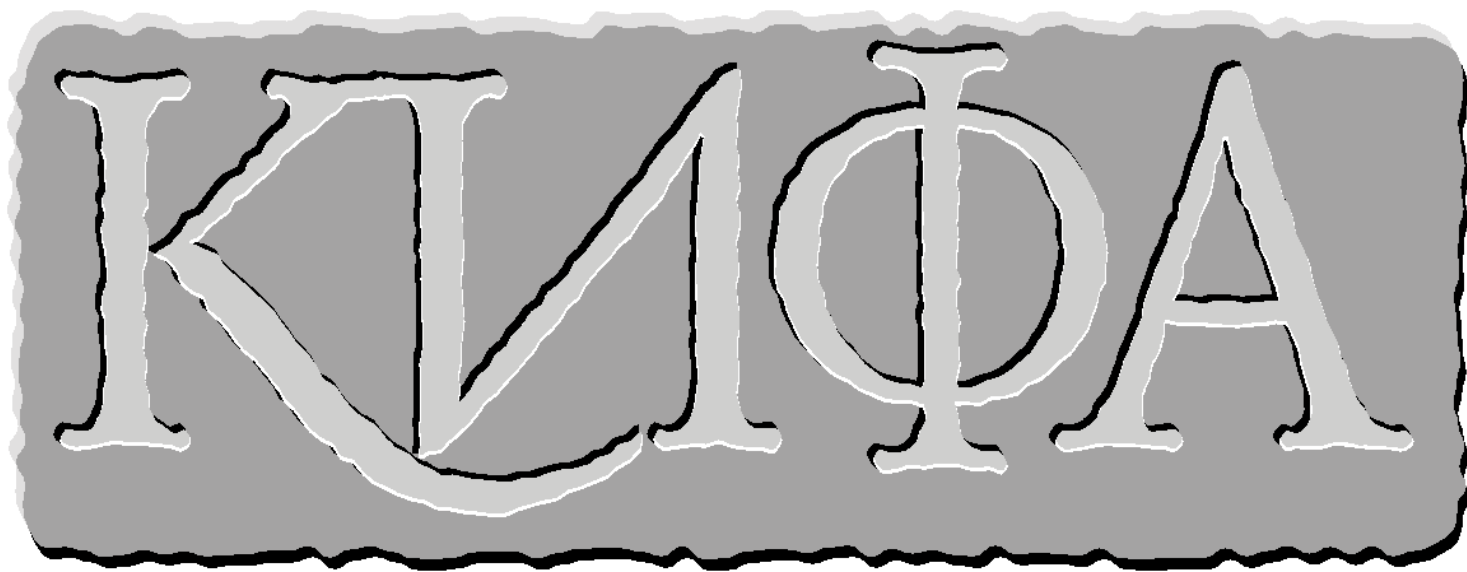

5(8)

МАЙ

2003

СОВМЕСТНОЕ
ИЗДАНИЕ
СВЯТО-
ПЕТРОВСКОГО
БРАТСТВА
(САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)
И
ВОСКРЕСЕНСКОГО
БРАТСТВА
(МОСКВА)

В газете использованы
материалы
сайта www.sfi.ru

ТРИСТА ЛЕТ ГРАДУ СВЯТОГО ПЕТРА

В последнее время все чаще приходится слышать, что пора бы наконец признать совершившимся фактом конец константиновской эпохи. Государственное христианство больше не вернется. Можно оглянуться назад и оценить его, как законченную картину, как дописанную книгу, заключением которой для России стал двухсотлетний синодальный период.

Так получилось, что именно это время невозможно не связывать с двумя образами — с образом властителя и образом построенного им города. Петр строил не только новую столицу. Прежде всего, возводился европейский город, «окно» в Европу. Но получилось так, что он сохранил и русские черты (центр — цитадель, а не рыночная площадь), и русский миф. Наверное, мы не найдем больше на европейской карте крупного города, который носил бы имя апостола. И далеко не случайно речь идет именно о Петре — легендарном первом епископе Рима. Петербург — как бы «четвертый Рим», преемник «третьего Рима» — Москвы, новый центр христианской экумены.

Где же, как не здесь, должны были оказаться доведены до крайнего предела образы искушения церкви властью земной?

Вместе с Константином в церковь вошло «античное» отношение к власти: сакральная роль императора, обычай решать вероучительные споры силовыми методами, массовые крещения присоединяемых к империи народов. Петр, думая облагородить все более обмирщавшуюся эмпирическую церковь западной светской культурой, впустил в нее стихию европейского секуляризма. «Симфония» дошла до своего логического завершения. Если некрещеный (правда, верующий и готовящийся к крещению) император мог созы-

вать Вселенский собор и участвовать в нем, то почему бы неверующим членам Правительствующего синода не руководить российской церковью? И, честно говоря, трудно сказать, закончился ли синодальный период в тот миг, когда их сменили уполномоченные по делам религии...

Церковь, побывавшая в добровольном плену у государства хотя бы формально верующего, перешла сначала в плен государства все более и более секуляризирующегося, а потом — в плен государства не просто атеистического, но богоборческого. Чудом выпущенная из этого плена, она чувствует себя непривычно: за полторы тысячи лет бездействия свобода и ответственность «онемели» и атрофировались в ней. Если бы она была просто человеческим объединением, ситуация стала бы необратимой, уже давно необратимой.

Но до конца земной истории этого все-таки не случится. У нас есть твердая надежда на то, что мы научимся свободе. Вот только какой?

В свое время благое стремление отвечать за весь окружающий мир, попытка воцерковить культуру и государство закончились обмирщением церкви.

Так и благое стремление к полноте свободы может обернуться своей «изнанкой»: равнодушной вседозволенностью, пресловутой «толерантностью» секуляризма. И тогда Невский проспект, который еще в XVIII веке европейцы в самом положительном смысле называли «rue de tolerance»* (уже тогда православный, реформатский, лютеранский, католический, армянский храмы стояли на нем рядом) поведет напрямик в красные кварталы Амстердама...

Конечно, нас может уберечь от этого многое из доставшегося нам наследства, в том числе и из наследия последних трехсот лет, неразрывно связанных с Петербургом. Прежде всего, честность и основательность русской богословской науки, которая именно как наука, связанная с именами Болотова, Бриллиантова, Катанского, Троицкого родилась на берегах Невы.

И здесь, на этой ноте, хотелось бы остановиться и указать читателю простой и легкий выход, одним росчерком пера направив его по пути в Царство небесное, к полноте подлинной свободы, подлинной любви и ответственности. Но вход в эти врата оказывается узковат, идти ими больно и тесно, нестерпимо долго и тяжело.

Что ж, ничего не поделаешь, тут уж никуда не денешься. Других путей, ведущих к выходу, нет.

Илья ПИМЕНОВ

*Улица толерантности (франц.)

ИТОГИ КИЕВСКОГО СЪЕЗДА

Их основное содержание — диалог с властью и контрмиссия

Всеукраинский миссионерский съезд, состоявшийся 27-29 мая в Киеве, призвал к «диалогу УПЦ с вышестоящими органами власти, политическими партиями», результатом которого могло бы явиться внесение изменений и дополнений в действующее законодательство. По мнению участников съезда, «следует признать и законодательно определить особый статус Украинской православной церкви как церкви большинства населения и традиционной религии», ввести временной ценз для регистрации религиозных общин, а также увеличить количество основателей общины до 20, а лучше — до 50.

В одном из последних пунктов до-

кумента напоминает о необходимости соблюдения принципа «миссионерской приветливости» и «проведения бесед перед Таинствами и требами, проповедничества во время обрядов».

Активное участие в работе съезда приняли некоторые из гостей. Так, Александр Дворкин, вошедший в состав делегации РПЦ наряду с главой Миссионерского отдела архиепископом Белгородским и Старооскольским Иоанном и дьяконом Андреем Куравлевым, является несомненным вдохновителем, если не автором, раздела документа, посвященного «противодействию деструктивным культам и псевдорелигиям». В этом разделе, наряду

с активной информационной деятельностью, планируется «наладить контакты с правоохранительными органами с целью облегчения определения и квалификации преступлений, совершенных на религиозной почве».

Девизом съезда были слова, заканчивающие документ: «Любовью и единением спасемся!»

Съездом разработан также проект миссионерской концепции. После доработки он будет представлен на утверждение митрополиту Киевскому и всея Украины Владимиру. Возможно, в этом документе будут более отчетливо прописаны положительные перспективы развития православной миссии на Украине.

АНОНС:

О ЧЕМ ДУМАЮТ
И СПОРЯТ
ФИЛОСОФЫ
И БОГОСЛОВЫ?

Новости церковной
жизни
(стр. 2-3)

Слово митрополита
Санкт-Петербургского
и Ладоского
Владимира на
панихиде по архи-
епископу Василию
(Кривошеину) (стр.2)

МЫ ДОЛЖНЫ
СТРОИТЬ НАШЕ
ЕДИНСТВО
НА ПРАВДЕ

Проблемы
экуменизма
(Стр. 4-5)

В ЛАГЕРЯХ Я
НИКОГДА НЕ
БЫЛ, А В
ТЮРЬМАХ БЫЛ
МНОГО

Вильгельм Фаст о
своей жизни
(Стр. 6)

К ТЕМ, КТО
ПОГИБ ПРИ
ВЕСПАСИАНЕ И
ДРУГИХ
ЦЕЗАРЯХ,
ПОВСЕДНЕВНО
ОБРАЩАЕТСЯ
ЦЕРКОВЬ

Речь Ольги Седаковой на вручении
Солженицынской премии
(Стр. 7)

ТРУДНО БЫТЬ
ОДНОЙ ПЛОТЬЮ

Проблемы христианского брака
(Стр. 8)

ИЗ МОСКВЫ В ПЕТЕРБУРГ — С ЛЮБОВЬЮ

Вот и выросла вторая столица, стала совсем взрослой. Шутка ли — в полтора раза старше Штатов...

В чем-то мы все, где бы мы ни жили, родом из нее — из чопорно-имперского Петербурга. Как, впрочем, и из радушно-нерассуждающей Москвы. Из городов, которых давным-давно нет на свете. Не потому ли "Война и мир" всегда читается нами, как собственная семейная хроника?

Лет двадцать назад мне доставляло тайную радость ходить по улицам Москвы и говорить им про себя: "Я знаю, как твое настоящее имя". Мне казалось, что Ленинграду (кроме имени, конечно) неимоверно повезло, когда центр чумы переместился из него в несчастную Москву, не оставив в ней камня на камне. Тогда невозможно было представить себе, что на карте снова появятся Волхонка и Пречистенка, Маросейка и Покровка. А уж про Санкт-Петербург и мечтать не приходилось...

Что ж, чудо совершилось. Разрушенная связь времен, казалось бы, начинает восстанавливаться. И кое-кто всерьез мечтает вернуться туда, в пышную имперскую столицу, к торжеству принципа симфонии, к государственной поддержке церкви (пусть пока в виде Закона Божьего в школах и особого статуса для православия) — вернуться в тот миг тяжкого исторического обморока, который чуть было не закончился летальным исходом.

И мы тоже пытаемся взглянуть в те другие берега, где еще живы Блок и Гумилев, живут в России Булгаков и Бердяев, где — уже слишком поздно — в Москве собирается, наконец, Поместный собор, и где уже ничего не изменишь. И через эти дни еще дальше, дальше, — сначала пытаюсь спросить: так кто же ты был, плотник саардамский? Царь-труженик, положивший всю жизнь для будущей славы России, для тех, кто скажет потом: "Мы все птенцы гнезда Петрова"? Сумасбродный тиран, не считавшийся ни с жизнью, ни с честью подданных, окончательно загнавший церковь в противоестественную даже для константиновской эпохи синодальную подчиненность структурам и силам "мира сего"?

И, если взглянуть в совсем уж необозримую даль и вспомнить о том, что значит имя и в жизни человека, и в жизни города, мы не можем не спросить и еще об одном: так на чем же ты стоишь, трехсотлетняя северная столица — на болоте или на камне? И в чем крепость этого камня — не в той ли "язвимости сердца Петрова", на которой, по словам Аверинцева, утверждается церковь?

Наверное, мы еще долго будем переговариваться друг с другом, пытаюсь понять, кто мы сегодня, связывая разорванные нити предания и истории, памяти и родства. Два наших города разделяет такое же, а то и большее расстояние, чем то, что лежит между разными европейскими столицами. Но по нашим меркам оно совсем небольшое. И нам легко услышать друг друга.

Иван ПЕТРОВ

15 и 16 мая в Санкт-Петербурге, в Российской национальной библиотеке, в рамках празднования юбилея города прошла научная конференция "Санкт-Петербург — европейский город. Бельгийско-русские связи: история и современность". Главными организаторами конференции были РНБ и Шеветоньский монастырь, координировали ее работу Наталия Юрьевна и Игорь Васильевич Сахаровы. Мы публикуем два материала, связанных с этим событием.

ВНОСИТЬ СВОЮ ЛЕПТУ В ДЕЛО ПРИМИРЕНИЯ

Слово митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Владимира на панихиде по архиепископу Брюссельскому и Бельгийскому Василию (Кривошеину)

В нашем городе проходит интересная и полезная конференция о взаимоотношениях между Россией и Бельгией. И так как владыка Василий (Кривошеин) был архиепископом Брюссельским и Бельгийским, но пожелал, чтобы после своей блаженной кончины он был похоронен здесь, в Петербурге, то участники конференции пожелали на его могилке помолиться.

Мы владыку Василия помним и всегда о нем молимся. Я имел радость встречаться с ним, общаться. А для нашей церкви и для всего христианского богословия владыка Василий имеет огром-

Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Владимир беседует с корреспондентом "Кифы" Анастасией Наконечной

ное значение — он самый большой специалист в нашей церкви по Симеону Новому Богослову. И я учился у профессора-протопресвитера Виталия Борового, а потом с ним вместе принимал участие во многих международных христианских встречах. И когда мы говорили о владыке Василии, то отец Виталий (с великолепной памятью, с большими познаниями — это один из наших лучших богословов) всегда говорил — я мечтаю быть вот таким специалистом хотя бы по одному богослову, каким был владыка Василий (Кривошеин) по Симеону Новому Богослову. Лучше него никто у нас не знал этого святого угодника и его творений. И память о владыке Василии хранится в наших сердцах, и хорошо, что он благословил его оставить на Руси, и теперь мы, россияне, можем молиться и приходить к нему на могилку и имеем счастливую возможность здесь побывать.

Я желаю участникам конференции успеха в делании доброго дела, в служении и государству, и обществу, и церкви. И надеюсь, что эта конференция, которая сейчас проходит в нашем городе, еще больше раскроет результаты наших давних-давних контактов. Она еще больше нам поможет узнать друг друга. Она еще больше поможет оценить нам усилия наших народов и возможности нашего сотрудничества для того, чтобы мы общались и вместе славили Пресвятую Троицу.

Сейчас Европа объединяется. Мы видим, что на всех уровнях стремятся добиться взаимопонимания, поддержки. Мир настолько велик, настолько разрознен, что нельзя одному выстоять и даже одному государству нельзя чувствовать себя в безопасности. И даже такие мощные сверхдержавы как Соединенные Штаты Америки, Россия, Франция, Германия, Италия не могут себя чувствовать в безопасности сегодня перед угрозой терроризма. И мы, верующие люди, должны вносить свою лепту в дело примирения, открытия возможностей нашего сотрудничества, взаимной помощи и взаимной молитвы, о том, чтобы Господь всех нас, христиан, защитил, помог нам найти единство. Господь сказал в Евангелии, что придет время, когда будет едино стадо, Един Пастырь. И мы верим в непреложность сказанного Спасителем, мы понимаем, что это само по себе не придет, что мы все должны вносить свою лепту в дело нашего единения. Мы все должны просить Господа Бога, чтобы Он послал нам День, и мы сподобились бы видеть этот День, когда действительно явится Один Пастырь, а мы — все христиане — будем у Него единым стадом. Аминь.

СТОЛИЦА ЕВРОПЫ И ЕВРОПЕЙСКАЯ СТОЛИЦА

При открытии конференции "Санкт-Петербург — европейский город. Бельгийско-русские связи: история и современность", прошедшей в Санкт-Петербурге 15-16 мая, были зачитаны приветствия митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Владимира и председателя ОВЦС, митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла.

Наиболее интересные доклады прозвучали во второй день заседаний. В докладе Сергея Сергеевича Аверинцева (к сожалению, сам он не смог приехать, и его доклад был зачитан другим участником конференции) был в историческом контексте сопоставлен опыт преподобного Венедикта Нурсийского и преподобного Сергия Радонежского. Как считает докладчик, и тот, и другой в условиях утраты аскетической традиции выступали в исторической роли «отцов монашества» благодаря «уравновешенно-образцовому характеру внутреннего и внешнего лика».

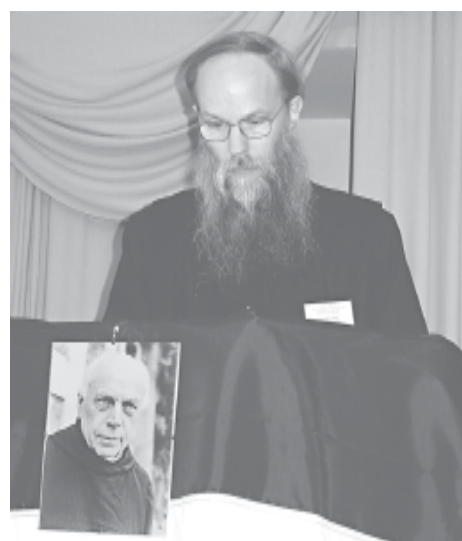
Сопредседатели конференции — протоиерей Владимир Федоров (РПЦ, Санкт-Петербург) и архимандрит Михаил Ван Парейс (Шеветонь, Бельгия)

В выступлении Наталии Сахаровой был приведен ряд интересных фактов, связанных с жизнью основателя бенедиктинского монастыря в Шеветони, практикующего богослужение как по западному, так и по восточному обряду, донна Ламбера Бодуэна, в частности, то, что аббат был вдохновлен на создание монастыря общением с преподавателями Свято-Сергиевского института оо. Киприаном (Керном) и Николаем Афанасьевым и паломничеством в Почаевскую лавру.

Тему истории Шеветоньского Крестовоздвиженского монастыря продолжил о. Антоний (Ламбрехтс). Он выделил в ней четыре этапа, связав их соответственно с русской православной эмиграцией, с архиепископом Василием (Кривошеиным) и митрополитом Никодимом (Ротовым), с празднованием тысячелетия крещения Руси (после которого стало возможно непосредственное общение священства и мирян разных стран и разных конфессий) и, наконец, с сегодняшними формами диалога.

По-своему интересен был доклад архимандрита Михаила (Ван Парейса), посвященный автору так называемого «иренического» метода в богословии, сутью которого является диалог, в том числе между православными и католиками, — монаху-бенедиктинцу Клименту Лялину (русскому по происхождению). В частной беседе в перерыве о. Михаил сказал, что о. Климент принципиально был монахом латинского обряда, держался в стороне от литургических вопросов, службы восточного обряда шеветоньских монахов его невероятно раздражали: для него «Шеветонь был униатским монастырем».

Доктор исторических наук, дьякон Александр Мусин в своем докладе представил портрет владыки Василия (Кривошеина). Сын последнего русского императорского премьер-министра, по сво-

Иеромонах Антоний (Ламбрехтс)

ему воспитанию и мирозерцанию он был европейцем. В то же время именно он был автором проекта координации различных православных поместных церквей на началах консиллярности (совборности) от местного уровня до уровня глав церквей под председательством вселенского патриарха при полном отделении церкви от государства.

Заключительный доклад конференции, прочитанный протоиереем Владимиром Федоровым, был посвящен 25-летию со дня кончины митрополита Никодима (Ротова) (1929-1979).

Конференция закончилась 17 мая панихидой, которую участники конференции собрались отслужить на могиле владыки Василия (Кривошеина) на Серафимовском кладбище. Из-за дождя панихида была перенесена в кладбищенский храм. Возглавил ее митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Владимир.

Александр БУРОВ

КАТЕГОРИИ ИСТИНЫ И ЗАБЛУЖДЕНИЯ ОБСУЖДАЛИСЬ ФИЛОСОФАМИ В НИЖНЕМ

Священник Георгий Кочетков

3-4 июня в Нижнем Новгороде прошел традиционный симпозиум, посвященный философским проблемам в контексте диалога культур и мировоззрений.

Нижегородская епархия и кафедра философии Волго-Вятской академии госслужбы при участии различных научных и высших учебных заведений каждые два года проводят этот симпозиум, ныне состоявшийся уже в седьмой раз. В этом году в центре обсуждения стояли категории истины и заблуждения.

В течение многих лет активное участие в подготовке этих встреч, собирающих профессоров философии из разных вузов России и ближнего зарубежья, принимал приснопоминаемый митрополит Нижегородский и Арзамасский Николай (Кутепов). И сегодня среди участников встречи жива благодарная память о том, как он принимал светских ученых, философов, как детей, с удивительной открытостью и заботой о собирании живых сил не только в церкви, но и вокруг нее, и рядом с ней. В этом году симпозиум был посвящен 100-летию со дня прославления преп. Серафима Саровского и второй годовщине кончины владыки Николая.

Многие участники уже не в первый раз выступают здесь. Ректор Свято-Филаретовского института, свящ. Георгий Кочетков, в третий раз принимавший участие в этом симпозиуме, прочитал в рамках пленарного заседания доклад на тему «Проблемы критериев истинности веры и правдивости науки, религии и идеологии». Доклады «Всемирная отзывчивость» или изоляционизм? К вопросу о русской самобытности и о включении России в достойный контекст мировой истории» (1999 г.) и «Единство и этнокультурное многообразие в Православной церкви» (2001г.) были изданы в сборниках материалов симпозиума. Их можно прочитать также на сайте www.sfi.ru.

РУССКИЕ И ПОЛЬСКИЕ СКАУТЫ УЧАТСЯ ВМЕСТЕ

С 4 по 14 мая в Польше, в местечке Фромборк, прошли курсы для руководителей, организованные хуфцем (отделом) ZHR г. Эльблонга по просьбе скаутской дружины ОРЮР «Град Москва». В них приняли участие 24 гостя из России — взрослые руководители дружины и их молодые помощники из Москвы, Архангельска, Электростали, Вельска.

Скаутская дружина «Град Москва» была образована в 1990 году на базе приходских общин московских храмов Сретения Владимирской иконы Божьей Матери, Успения в Печатниках, преподобного Феодора Студита у Никитских ворот. За двенадцать лет она стала одним из самых крупных формирований ОРЮР. Сейчас дружина объединяет около 120 детей и 9 руководителей. Большинство руководителей — сотрудники или студенты Свято-Филаретовского института, члены Преображенского содружества. Первые воспитанники дружины достигли 17-20 лет. Два года назад они стали помощниками руководителей в малышей и подростковых отрядах.

О поездке в Польшу рассказывают **начальник дружины «Град Москва», скаут-инструктор Александр СЕДИНКИН** и **начальник штаба дружины, инструктор Галина СЕРОВА**:

Десять дней, проведенные в городке, где когда-то жил при костеле монах Николай Коперник, были насыщены работой. Польские харцеры так составили программу, что ни один день, ни один вечер на повторился. Для гостей из России, прежде всего для молодежи, этот курс был настоящей напряженной учебой. Для старших руководителей он стал наглядным опытом систематизации своей работы, письмен-

ного планирования жизни и отчетности как для дружины и отряда, так и для каждого скаута. Многие из поляков говорили, что для них вдохновение, фантазия, открытость и желание учиться со стороны российских скаутов — свидетельство живой наполненной жизни в вере.

В Польше скаутские традиции в XX веке не прерывались. Хотя коммунистическая система во многом формализовала скаутинг, привела его к прищипыванию скаутских организаций, все-таки христианская основа скаутинга не была полностью утрачена в польском харцерстве. Тем легче было новое возрождение скаутинга в Польше в начале 80-х годов. Сейчас в Польше харцеры — это в основном подростки и молодежь. Руководителями отрядов становятся в 15-16 лет. Харцерство уважаемо, и на улицах городов не редкость — группы молодежи в скаутской форме. Официальная поддержка минимальна и выражается, прежде всего, в том, что государство не мешает жизни скаутов. Их отрядам часто предлагают работу, так как они умеют быстро и слаженно работать. Харцеры прекрасно поют, очень артистичны, любят путешествовать отрядами. Большинство из них — практикующие католики.

О результатах поездки пока говорить рано. Однако в любом случае можно сказать, что произошла встреча — встреча во Христе, встреча в общем служении, в радости, в мире, в желании учиться друг у друга. Важно, что в поездке участвовали не только москвичи, но и скаутские руководители из других городов. Этим они еще раз подтвердили общность своих задач и методик, желание идти вперед вместе.

В СФИ ПРОШЛА ВСТРЕЧА С АБИТУРИЕНТАМИ

7 июня в Свято-Филаретовском институте прошла встреча представителей руководства и преподавателей с абитуриентами Высшей школы и Богословского колледжа.

Все выступавшие — в прошлом сами студенты Института. Некоторые преподаватели колледжа и сейчас участвуют в Высшей школе. Может быть, поэтому состоявшийся разговор во многом явился живой и непосредственной передачей опыта подлинного духовного образования.

Преподаватель церковной археологии и христианской эстетики Александр

Александр Копировский

Копировский рассказал о первых годах существования института. «Пятнадцать лет назад он начался неофициально. Были программа и списки книг, которые нужно было прочитать, и затем — собеседование с преподавателем. Вместе с активной церковной жизнью это и составляло ядро высшего духовного образования. И хотя сейчас у нас развитое высшее учебное заведение, можно сказать, что оно было уже, как в зерне, вот в тех страничках и том подходе, который предполагал, что образование — это живое приобщение к самому главному, а не просто перечень некоторых действий, которые «изображают» получение образования».

Зам. декана Зоя Дашевская, заметив, что нужно попробовать учиться, не откладывая исполнения явной воли Божьей до устройства всех личных обстоятельств, напомнила о судьбе тех персонажей Священного писания (например, зятьев праведного Лота), которые восприняли объявление Божьего повеления как шутку и отложили его исполнение до лучших времен.

Ученый секретарь и декан Лариса Мусина, продолжив эту мысль, сказала о том, что духовное образование — это не просто персональное дело, это вопрос ответственности за церковь в целом. «Церковь очень нуждается сегодня в образованных людях — и клириках, и мирянах» — сказала она.

Лариса Мусина

Абитуриенты получили ответ на многочисленные вопросы о вступительных экзаменах, о возможностях заочного обучения, особенно в Богословском колледже.

До начала вступительных экзаменов состоятся и другие встречи для абитуриентов. Ближайшая из них пройдет в дни празднования Преображения Господня, когда Институт проведет свой традиционный День открытых дверей.

ГОТОВИТСЯ КОНФЕРЕНЦИЯ О ДИАЛОГЕ В ЦЕРКВИ

19 - 20 мая состоялось расширенное заседание оргкомитета конференции «Вера — Диалог — Общение: проблемы диалога в церкви».

Наряду с членами оргкомитета, в нем приняли участие соучредители конференции — ректор Свято-Филаретовского института священник Георгий Кочетков, главный редактор журнала «Вестник Русского Христианского Движения» профессор Никита Струве и заместитель директора Института человека РАН Олег Генисаретский, а также заведующие кафедрами СФИ Давид Гзгзян и Григорий Гутнер.

Содержательный разговор о концепции конференции коснулся тематики основных докладов пленарных заседаний, секций и круглых столов.

Священник Георгий Кочетков начал обсуждение с постановки проблемы диалога. Она связана с тем, что с самых первых веков, еще с доникейского периода, в церкви победила монологичность, хотя истина сама по себе не монологична.

Никита Струве подчеркнул важность задачи — обосновать фундаментальную необходимость диалога в церкви, лежащего в основе ее жизни. Он упомянул, что диалог укоренен в полноте антиномичности нашего бытия.

В разговоре священника Георгия Кочеткова и Олега Генисаретского много говорилось об обосновании самого понятия «диалог в церкви», возведенного к Логосу, о логичности диалога и пневматологичности общения. Олег Генисаретский подчеркнул также необходимость включения темы диалога в тему духовных движений и общинности.

В результате обсуждения было выявлено несколько фокусов конференции: диалог и Предание, диалог и традиция, диалог и таинство, диалог и его цивилизационные пределы. Предполагается, что именно они будут выделены в темы секций и круглых столов.

СОВМЕСТНЫЙ СЕМИНАР НА ТЕМУ «ЯЗЫК ДИАЛОГА»

24 мая в Свято-Филаретовском институте прошел межкафедральный семинар по теме «Диалог».

Разговор начался с сообщения преподавателя СФИ, кандидата медицинских наук Бориса Воскресенского «Проблемы диалога глазами психиатра». В центре внимания докладчика оказалась связь диалога с рефлексивным мышлением, анализ которого был поставлен не только в психиатрический, но и в антропологический и богословский контекст.

При обсуждении проблемы были затронуты также философские и филологические аспекты, прежде всего связанные с понятием языка в его экзистенциальной реальности.

Представители кафедр (во встрече участвовали сотрудники кафедр философии и гуманитарных дисциплин, богословских дисциплин и литургики) выразили желание продолжить подобные обсуждения не только в рамках подготовки к конференции «Вера — диалог — общение (проблемы диалога в церкви)», но и в форме постоянно действующего семинара.

В РИМЕ СОСТОЯЛСЯ ЭКУМЕНИЧЕСКИЙ СИМПОЗИУМ ПО ВОПРОСУ О ПРИМАТЕ ПАПЫ

Рим, 26 мая, CNS/CWN/Благовест-инфо. Международный экуменический симпозиум, посвященный примату Папы Римского, прошел в Риме с 21 по 24 мая. Симпозиум проходил под председательством президента Папского совета по содействию христианскому единству кардинала Вальтера Каспера.

Помимо богословов и официальных представителей католической Церкви, в богословской конференции приняли участие представители пяти православных Церквей: Константинопольской, Антиохийской, Сербской, Румынской, Болгарской и Элладской. По первоначальному плану в симпозиуме должны были участвовать и два богослова из России, однако Московский патриархат отозвал их в знак протеста против недавнего учреждения католической митрополии и двух новых епархий в Казахстане.

С католической стороны в симпозиуме приняли участие немецкий богослов Герман Йозеф Поттмейер, француз Ролан Миннерат и член объединенной международной комиссии по католическо-православному диалогу о. Димитрий Салахас. Из известных православных теологов и иерархов во встрече участвовали греческий богослов Власиос Фидас, митрополит Афанасий (Сербия) и митрополит Дометиан (Болгария).

«Около 20 участников симпозиума вели сугубо богословскую дискуссию», – заявил кардинал Каспер, по мнению которого в Риме имела место самая настоящая «встреча профессионалов». По словам прелата, целью симпозиума было развитие экуменического диалога, а не «выдвижение каких-либо конкретных предложений» православной или католической сторонами. Различия в понимании принципов церковной власти и служения Римского епископа нужно исследовать и определять более четко «не для того, чтобы усиливать разделения, а для того, чтобы легче преодолевать их», – заявил кардинал Каспер.

Симпозиум явился ответом на призыв Папы Иоанна Павла II ко всем Церквам мира рассматривать принцип примата Папы как путь к единству Церкви. Этот призыв впервые прозвучал в энциклике понтифика в 1995 году, которая была посвящена вопросам христианского единства.

митрополит Сурожский Антоний:

МЫ ДОЛЖНЫ СТРОИТЬ НАШЕ ЕДИНСТВО НА ПРАВДЕ

Проповедь, произнесенная 23 января 2002 г.
на вечерне Недели молитвы за христианское единство

Я не осмеливаюсь начать то, что я должен сказать вам сейчас, с привычных слов «Во имя Отца и Сына и Святого Духа», потому что это – больше плач моей собственной души, который я хочу разделить с вами в надежде, что Бог, Который делит с нами всю боль этого мира, всю его трагедию, разделит и эту тоже.

Мы живем в разделенном христианском мире, и мы не всегда осознаем, насколько это трагично, поскольку мы живем на нескольких уровнях. Здесь некоторые моменты, иногда сложные, временами очень трудные для понимания доктрины, которые различают нас, играют роль. Насколько часто первенство папы определяет поступки католического верующего в течение дня? Насколько часто учение Православной церкви о Святой Троице вносит отличие в его или ее поведение по отношению друг к другу? Насколько часто тот или другой отрывок из Священного писания, цитируемый Кальвином и другими богословами Реформации, определяет наши поступки?

Мы живем, действуем и относимся друг к другу на разном уровне. И либо это уровень взаимопонимания, принятия и, наконец, взаимной любви, либо, наоборот, отчужденности, непонимания и временами ненависти.

Мы не выражаем сейчас ненависть так, как это делали сто лет назад. Но я помню, что когда я учился в начальной школе в Вене, я был послан в первую неделю директрисой, которая ничего не знала о православии, к раввину, поскольку «православие» звучало для нее как выражение из Ветхого завета.

Он посмотрел на меня, спросил, почему у меня не покрыта голова, и когда я ответил: «Моя мама учила меня никогда не носить шапку в комнате потому, что там может быть распятие или икона», он посмотрел на меня и сказал: «Христианин – в моем классе? Вон отсюда!»

Меня подозвала в коридоре директриса, которая, поняв, что я христианин, отправила меня к католическому священнику. Он спросил меня, кто я, и, услышав, что я православный мальчик, сказал: «Еретик – в моем классе? Вон!». И это было завершением всего религиозного образования, которое я получил.

Такого сейчас не происходит. Но отчужденность остается в значительной степени. И она остается, когда мы встречаемся в рамках интеллектуальной деятельности, когда мы сопоставляем формулировки, когда мы сопоставляем богословские утверждения. Я вспоминаю рассказ о необычной дискуссии греческого епископа с римским богословом в шестнадцатом веке. Римский богослов хотел, чтобы грек ответил на его вопросы в терминах философии и теологии Фомы Аквинского. А греческий епископ не мог ответить на них этим языком, поскольку не знал этих терминов. И, конечно, он был посрамлен. И все-таки он был прав, поскольку это – не соревнование двух философских систем, но прославление живой веры.

Мы сейчас в той же ситуации. Разобщенность существовала среди христиан с самого начала. Вы помните, как спорили ученики Христа: кто первый среди них? И Христос ответил: это дитя. А что Он увидел в этом дитяти? Чистоту сердца, чистоту помыслов, способность быть совершенно открытым любви и нежности и принятию другого. Ученики поняли именно это, когда Святой Дух сошел на них и когда они отправились проповедовать Евангелие, не нападая ни на кого и ни на что, но только провозглашая, что Бог так возлюбил мир, что отдал Сына Своего Единственного на

смерть, чтобы спасти мир.

Это та правда, на которой мы можем построить наше единство. Мы должны стать как дети чистотой сердца, открытого Богу, открытого нашему ближнему в простоте и любви. Мы не можем, действительно не имеем права, отказаться или отвернуться от учения наших общин. Но мы должны спросить себя: как много в этом учении от Бога, от Святого Духа и как много является попыткой выражения языком этого мира, философии времени?

Май 1985г. Митрополит Антоний Сурожский с начальницей католической школы, где проходил епархиальный съезд

Мы также должны научиться смотреть друг на друга другими глазами. На протяжении веков мы находились в состоянии соревнования. Мы спорили. Мы пытались обратить друг друга, доказать друг другу, что другой не прав, а мы правы.

Я помню, как профессор Зандер, один из выдающихся богословов-экуменистов, написавший книгу под названием «Действие и видение», описывает свое видение восстановления дружественных отношений между верующими. Он говорил, что изначально двое есть единое целое. Затем они думают, они пытаются осмыслить, они пытаются сформулировать свою веру. Они представляют сформулированное друг другу, и другой не может принять это, потому что он уже сделал то же самое, прошел тот же путь и пришел к другому способу выражения истины. И в этот момент они перестают быть единым целым.

Они отворачиваются друг от друга, и, как профессор Зандер очень красочно описывает, они по-прежнему своими спинами ощущают плечи другого, но они бесконечно далеки друг от друга, потому что они смотрят в другую бесконечность дали. И затем они уходят. Они все более и более укореняются в том, что становится единственным выражением истины, приемлемым для них. Это становится не просто способом выражения истины в соответствии с возможностями их мысли. Это становится Истиной. И другой становится чуждым, еретиком, врагом Бога или попросту посторонним, который выпал из лодки.

Затем однажды, когда горечь ослабевает и разделенность становится болезненной, поскольку любовь друг к другу по-прежнему в их сердцах, они спрашивают себя: что произошло с ним с тех пор, как мы расстались? И они поворачиваются и смотрят, пока вдаль они не видят фигуру. Она – как дерево, как ста-

туя, как мертвый объект. Но они знают, что это их друг, и они начинают двигаться по направлению друг к другу. И они встречаются лицом к лицу. Они сразу начинают спрашивать друг друга: за века разделения что ты узнал о Боге? Что о себе? Что обо мне? И они начинают делиться своей отчужденностью и тем, что по-прежнему едино для них в едином Боге, Которому они поклоняются.

Это то, что происходит сейчас с нами. Было время, когда мы все в ранние века были едины. Земная мудрость пришла и

разделила нас. Мы хотели выразить свою веру языком философии того времени. И затем мы уходили дальше и дальше друг от друга. И позднее мы начали идти навстречу друг другу, временами только отчасти.

Я помню первую конференцию Всемирного Совета Церквей, которая состоялась сорок лет назад, на которой присутствовала Русская православная церковь. Мы попросили епископа Иоанна Вендланда сказать для нас несколько слов приветствия, и существо того, что он сказал, я не забыл. Он поблагодарил Всемирный Совет Церквей за то, что они приняли нас, несмотря на тот факт, что мы так отличны от них. И он добавил: «Мы не приносим вам новое Евангелие. Мы приносим вам простоту, которую великие умы забыли: простую истину Христа. Мы не сумели быть достойными ее. Возьмите у нас то, что мы приносим, и принесите плоды, которые мы не сумели принести».

Не то ли это, что каждое вероисповедание может сказать другому? С одним только условием, что мы обращаемся к Самому Богу и говорим: «Во многом я должен раскаяться, многое я должен узнать от моего ближнего, и только вместе, как единая плоть, мы будем Церковью, Церковью во всей полноте, не в разделении, а в Святом Духе. Церковью, которая станет местом, где Бог, Единый в Троице, пребывает в согласии с человечеством, принявшим отказ от земной мудрости ради мудрости Божьей».

Это то, что, я думаю, сейчас самое главное. Это то, что я говорю от всего моего сердца, несмотря на то, что я не осмеливаюсь сказать это во имя Бога, но как итог долгой жизни со многими ошибками и радостью, невероятной радостью быть любимым Богом вместе со всеми, всеми людьми и всем сотворенным. Аминь.

Мы публикуем наиболее интересные, с нашей точки зрения, фрагменты импровизированной пресс-конференции священника

Георгия Кочеткова,
завершивший круглый стол Крестовоздвиженского братства «Православие и экуменический диалог» (август 2001г.)

— Как Вы могли бы оценить заявление кардинала Ратцингера о примате католической церкви над всеми остальными церквями?

— Да, это известный документ. В нем проводится мысль о том, что хватит говорить о церквях-сестрах, спасение в католической церкви. Кстати, кардинал Ратцингер его только подпisał, текст готовили другие члены его конгрегации.

Я считаю, что это некий ответ, превентивный удар, потому что, по мнению авторов этого документа, в отношениях между церквями возник дисбаланс, и терминологии II Ватикана уже недостаточно. Это раньше, в 60-е — 70-е годы (после II Ватиканского собора и до смерти митрополита Никодима (Рогова) — до 1979 года и чуть-чуть позже) говорили традиционно, что мы — церкви-сестры. Митрополит Никодим был лидером мирового православия. Об этом, правда, не очень пишется и говорится, но это действительно было так, — не всегда по духовным соображениям, это вопрос другой, но, тем не менее, это было. Поэтому, хотя многим не нравилась его позиция, но

— Так не является ли как раз интеркоммунион путем объединения Церкви?

— При всей моей любви к о. Сергию Булгакову, при всем том, что я действительно считаю его гениальным мыслителем XX века, конгениальным Бердяеву (действительно, это был человек совершенно удивительный), в этом вопросе я бы вряд ли его поддержал. Хотя по-человечески очень хочется поддержать, честно скажу. Но многое меняется, когда вникнешь в традицию православия и аргументацию, которая запрещает интеркоммунион.

К слову говоря, католикам это тоже запрещают. Они сплошь и рядом идут на интеркоммунион, но канонами католической церкви это запрещается, и II Ватиканский собор это подтвердил — возьмите замечательную конституцию II Ватиканского собора об экуменизме, там это черным по белому написано. Так что интеркоммунион запрещен не только православным, но и католикам, и из тех же самых богословских соображений. Правда, у них есть одно исключение — для «миссионерских территорий».

— Имеются в виду, скажем, католики, которые в России миссионерствуют?

— Да, получается довольно двусмысленная ситуация: Россия и все постсоветское пространство для них — «миссионерская территория». Они здесь очень стимулируют интеркоммунион. И сейчас это фактически стало формой прозелитизма. Современный человек вечно усталый, ему хочется сесты, по-

такого рода явлениям и всегда говорил, что это недопустимо, хотя и поддерживаю постановление Синода о возможности причастия у католиков, старообрядцев и армян в случае крайней необходимости. Для меня оно не отменено постольку, поскольку его отмена не была богословски аргументирована. То есть, я не стал бы осуждать человека, который принял бы причастие у католиков, лежа на смертном одре, если человек действительно изнутри воспринимал бы таинство. И если, допустим, в больнице меня просит о причастии больной, особенно где-нибудь в реанимации, сказав при этом: «я — католик», я никогда не отказываю. В Евангелии сказано: «Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними». Понимаете, если я так себя веду по отношению к католикам, могу ли я им запретить вести себя точно так же по отношению к православным? Я бы счел это нечестным.

Однако то облегчение, тот господствующий индивидуализм, при котором таинство становится не личностным и не церковным делом, а сугубо индивидуальным — когда «что хочу, то и ворочу», — я считаю абсолютно недопустимым.

Когда приехала мать Тереза, и Сергей Сергеевич Аверинцев причастился — может быть, единственный раз в жизни — у католиков, памятуя о словах Апостольского символа веры «верую во общение святых», я его внутренне поддерживал. Хотя, надо сказать, «вся Москва»

ЕВХАРИСТИЧЕСКОЕ ОБЩЕНИЕ ИЛИ ИНТЕРКОММУНИОН?

все с ней считались, а он был убежденным сторонником объединения Западной и Восточной церквей. Он считал, что в этом спасение церкви, то есть нашей церковной жизни. (Здесь, конечно, не имелась в виду Церковь с большой буквы. Ее нам спасать не надо, это Она нас спасает).

И вот незадолго до того, как коммунизм приказал долго жить, церковная ситуация стала развиваться в прямо противоположную сторону. Это произошло, когда было отменено — через десять лет после смерти митрополита Никодима — принятое при нем постановление Синода. В этом постановлении было очень четко сказано, что в случае смертельной опасности, если рядом нет соответствующего прихода своей конфессии, можно причащаться у католического, или старообрядческого, или армянского священника. Это не распространялось на протестантов, потому что считается, что у них нет апостольской преемственности (хотя это не такой простой вопрос, как кажется, но все-таки это общепринятая в православии и католичестве точка зрения). Постановление распространялось только на так называемые кафедральные церкви — те, которые имеют апостольскую преемственность рукоположений (непосредственно были выделены три категории: старообрядцы, древневосточные церкви и католическая церковь). Оно имело огромное значение.

Интересна была аргументация Синода в связи с его отменой. Первый аргумент: это постановление не находит применения. Второй — есть некоторая разница в практике православных церквей, и необходимо уничтожить это различие. (Действительно, есть православные церкви, относящиеся резко отрицательно ко всякого рода контактам с католиками, с протестантами, а где-нибудь в Грузии, скажем — с армянами). Нетрудно заметить, что ни одного возражения по существу вопроса не приводилось.

— До Вашего прихода мы вспоминали о. Сергия Булгакова, который говорил о том, что проблема единства Церкви решается не на богословских турнирах, а перед алтарем...

— Вспомнили, надеюсь, и о том, что о. Сергий Булгаков на этом основании был за интеркоммунион? Это очень важно. Он единственный из крупных православных богословов выступал за интеркоммунион.

Митрополит Никодим (Рогов) вручает знак магистра богословия иеромонаху Михаилу (Арранцу), члену ордена Иисуса

дольше побыть в тишине, хочется, чтобы все было попроще, попонятней. А католики мудро ведут богослужение на русском языке. (При советской власти они служили на латыни. Это понятно. Им власть запрещала и славянский язык, и русский — так же как нам запрещали переводить богослужение с церковнославянского на русский. Это очень понятно, интерес врагов церкви здесь очевиден.) Так вот, конечно, людям очень приятно быть в католическом храме. Да и мы с вами сколько раз бывали — и в Новосибирске, и в Томске, и в Поволжье, уж не говоря про Белоруссию и Польшу. Но мы никогда не причащались. И когда я вижу православных, причащающихся у католиков, несмотря на то, что рядом православный храм, я, конечно, вспоминаю в первую очередь не о постановлении Синода, а о том, что это внутренне неоправданно, что это — «расширение пути». Это делается не по любви. Люди ведь не изжили раскол 1054 года. А поступают они так по легкомыслию, потому что они свое индивидуальное ставят выше церковного.

Я, как вы знаете, плохо отношусь к

гудела, взорванная этим фактом. Это был скандал. Но Аверинцев есть такой, какой он есть. Он не практикует интеркоммунион, но он сделал исключение тогда, когда он поверил святости матери Терезы Калькуттской. А святость эта достаточно очевидна.

И это было очень важно. Сергей Сергеевич своим поступком утверждал не общение церковных правительств — Ватиканского, Московского, Константинопольского, какого хотите, — а общение святых.

Очень жаль, что эта строчка — «верую во общение святых» — не вошла в наш традиционный Символ веры, хотя на Западе всегда была. Но нельзя забывать и того, что Апостольский символ веры, в который она входит, хотя и не является столь авторитетным, распространенным и знакомым, как наш Никео-Цареградский, — тем более, что он чуть-чуть более поздний, пятого века, а не конца четвертого, — признается нашей церковью.

Однако есть очень важные нюансы, есть вещи, которые могут превосходить аргументацию сторонников интеркоммуниона. Евхаристия являет Церковь, она является выражением уже имеющегося церковного единства. Не сначала Евхаристия, а потом достижение церковного единства, а наоборот. Православные на этом настаивают. Таинство не может быть в чистом виде средством. На Западе говорят: «Но ведь Евхаристия благодатна, она же очень много делает для объединения людей». Это действительно так. Но это не значит, что она делает это магически и автоматически. И мы знаем, что, даже служа у одного алтаря, люди могут быть отнюдь не едины, а иногда просто открыто враждебны и оставаться такими же — а, может, еще враждебнее — и после Евхаристии.

Сначала надо преодолеть наше разделение, отнестись к нему всерьез, увидеть кроме исторических, культурных, национальных и других подобных оснований для разделения все-таки что-то еще духовное, глубинное, то, что выражено в богословии.

И поэтому православные делают акцент на том, что Евхаристию нельзя делать только средством. Надо сначала обрести единство, хотя бы в принципах, в основах, а потом совершать вместе литургию.

НОВАЯ ПАПСКАЯ ЭНЦИКЛИКА "ECCLESIA DE EUCHARISTIA" ВЫШЛА В ВАТИКАНЕ

Ватикан, 18 апреля, ZENIT/Благовест-инфо. Новая энциклика "Ecclesia de Eucharistia" (Церковь евхаристии) была подписана Папой Иоанном Павлом II в Ватикане в Страстную четверг, 17 апреля.

Как и в предыдущих апостольских посланиях, Папа проводит «испытание совести» и приходит к выводу: «без сомнения, благодаря литургической реформе (II Ватиканского) Собора верующие стали более сознательно, активно и плодотворно участвовать в святой Жертве алтаря». Однако наряду со светлыми сторонами, отмечает понтифик, есть и темные: ... некоторые энтузиасты экуменического диалога «из благих побуждений» оправдывают некоторые евхаристические практики несмотря на то, что они полностью противоречат установлениям вероучения Церкви. «Нельзя не выразить в связи со всем этим глубокую скорбь», — подчеркивает Иоанн Павел II. — Евхаристия — слишком великий дар, чтобы смиряться с двусмысленностями и пренебрежением».

Ниже мы приводим один из пунктов энциклики, касающийся проблемы интеркоммуниона.

«44. Именно поскольку церковное единство, которое проявляется в Евхаристии через жертву Христову и причастие Его тела и крови, необходимо требует полного единства при соблюдении обетов веры, таинств и церковного управления, невозможно совместно служить Евхаристию, пока эти обеты не будут полностью заново установлены. Любая совместная Евхаристия не будет действительной, более того, она может стать препятствием на пути к полному единству, поскольку ослабляет наше ощущение того, насколько мы остаемся далеки от цели, и вносит или углубляет двусмысленность по отношению к одной или другой правде веры. Путь к полному единству может быть только в правде. Поэтому запреты церковных законов не оставляют места для неуверенности, в уважении к моральным нормам, выработанным II Ватиканским Собором. Я бы хотел тем не менее еще раз подтвердить то, что я сказал в моей энциклике *Ut Unum Sint*, признав невозможность совместной Евхаристии: «Однако мы имеем горячее желание соединиться в служении Евхаристии, и это желание само становится общим молением и прощением. Вместе мы обращаемся к Отцу и все больше молимся Ему "единым сердцем"».

(перевод с итальянского Елены МАЙЗИЛЬ)

Леля". Так мы догадались, что срок его — десять лет. В 41-м году нас, немцев, из колонии (это в Самарской губернии, т.е. в Куйбышевской области) выслали в Казахстан. Затем, в январе 43-го, мать забрали в трудовую армию (взрослых всех забрали, кроме стариков), и я остался с бабушкой и четырнадцатилетней теткой. Они потом умерли, а я оставался там, и в 46-м году мать меня выкрала. Это был как бы побег, она тайно убежала и привезла меня в Татарию. У отца уже кончился срок — 10 лет, и мы думали, что он вернется. Но это в 47-м году возвращались те, кто в 37-м сел, а в 48-м всех сразу в ссылку отправляли, в Новосибирскую область. И его отправили, а нам нельзя было ехать, потому что мы были спецпереселенцами.

Мы ходатайствовали, и через год нам разрешили туда поехать, но нужно было

сыном врага народа. Я поехал в Томский университет и, как ни странно, поступил, начал учиться, и в конце первого курса меня сняли с учета. В апреле 55-го года я получил нормальный паспорт (до этого вместо паспорта у меня была справка, «выданная ссыльному такому-то, что он имеет право проживания там-то и в случае попытки к бегству карается 20 годами каторги»). Я учился в университете, а потом там работал до 82-го года.

А в 82-м году меня уволили. В обвинении было сказано: «у него имеется точка зрения и семейные связи». Это рассматривалось как аморальный поступок, несовместимый с выполнением воспитательных функций, с «осуществлением воспитания молодежи в духе построения коммунизма». (Семейные связи — это брат-священник, от кото-

люди к нам по-доброму относятся. И даже к моим детям, двум зятям, которых в запрет отправляли: священника и дьякона. Младший мой зять, отец Роман, больше всех в изгнании пробыл, а сын мой, отец Михаил просто был за штатом, и от нашего бывшего епископа Аркадия постоянно шли жалобы, что он очень мешает своим присутствием в епархии, что его надо убрать оттуда, хотя он был всего лишь навсего защитным священником. И вот, пока ему делать было нечего, он подготовил и защитил диссертацию. То есть, как бы там ни было — держаться можно. Супруга моя почти ходить не может — так, еле-еле, но воскресную школу при храме, где сын служит, ведет вместе с моей дочерью, которой позавчера сделали очень серьезную операцию. У сына сельский приход, он ездит туда из го-

У НАС ВСЯ СЕМЬЯ – ОТЦЫ И МАТУШКИ

Известный томский правозащитник Вильгельм Фаст рассказывает о себе и своей семье

Вильгельм Генрихович Фаст — председатель томского отделения общества «Мемориал», глава большой семьи. Один из самых ярких представителей томской интеллигенции. Родился в семье глубоко верующих меннонитов, будучи взрослым, перешел в православие. Ниже мы публикуем его рассказ о некоторых обстоятельствах его жизни и жизни его семьи.

Вообще говоря, я заключенным не был, я добровольцем был. В 38-м году деда и отца арестовали, я остался двухлетним, и сестренка одиннадцати дней. Она умерла через год, — я помню ее, хорошая девочка была, — а я выжил. Мы не знали даже, что же отцу присудили, он не мог сообщить нам срок. Потом он написал какое-то краткое письмо и в конце написал: «До свиданья, мои двенадцатилетний Вилли и десятилетняя

ехать этапом. То есть мы добровольно пошли под конвой и нас вместе с заключенными этапировали в Сибирь. Так что в лагерях я никогда не был, а в тюрьмах был много: и во внутренних, и в пересыльных, и в камере смертников. Подробно рассказывать можно очень много. Помню, сидим мы, заключенные, в черном вороне на Красном проспекте в Новосибирске. Вдруг «черный ворон» останавливается и туда запикивают еще одного мальчишку. Я спрашиваю: «Сколько тебе лет?» — «Тринадцать». — «А сколько тебе дали?» — «Пятнадцать»...

Вот так мы попали в ссылку, и я там пробыл до 54-го года. Когда Сталин умер, начались кое-какие послабления, и я в 53-м году послал заявку, чтобы мне разрешили поездку в Томск для поступления в университет. В те времена для спецпереселенцев это было крайне редко, но я это разрешение получил. Хотя, конечно, все это время за мной следили как за

рого я не отрекся). Полгода я не мог найти работу, потом работал где-то рабочим, где-то пчеловодом и шесть лет дворником. Я мел двор профессорского дома. У меня всегда были хорошие отношения с людьми, поэтому все последние новости я получал тут же за метлой и за лопатой, которой кидал снег. И, будучи дворником, я ездил на международную конференцию, где делал доклад.

Через девять лет после моего изгнания из университета за те же самые «точку зрения и семейные связи» меня избрали депутатом. После того, как я стал депутатом, меня избрали председателем комиссии по реабилитации жертв политических репрессий. Десять лет я пробыл на этой должности, а потом прокуратура подумала, что по возрасту мне уже недопустимо ее занимать.

У нас вся семья — «отцы» и «матушки». Нас все как-то любят, все

рода. Там был очень неблагополучный приход, но сейчас там все радует, многие там побывали, и прихожане — даже старушки и старики — нас благодарят за то, что там бывает много молодежи. Летом там проводили детский православный лагерь. Отец Роман продолжает оглашение, оно у нас обязательное, хотя не очень долгое по срокам.

Наша семья служит в двух храмах: один — Лоскутов-Кисельский храм, бывший клуб, другой — храм Александра Невского. Он стоит в окружении университетов, и в молодежных группах, которые у нас работают, собирается прежде всего интеллигенция. Есть и старые профессора, которые к нам тоже ходят. У нас беда с этим храмом вот такая: помещение невелико, а народу много приходит, на богослужении очень душно. Но что поделаешь? Чуть подальше храмы более свободные.

Записала Александра КОЛЫМАГИНА

“ПРОСТИТЕ, ВЛАДЫКА, МЫ НЕ В ПАРТИИ”

17 июня священник Георгий Волковинский, отчисленный в марте из состава клира Гомельской епархии, был приглашен на собрание настоятелей гомельских храмов. В повестке дня стоял вопрос о возможности вернуть о. Георгия в клир. Некоторые из участников собрания упомянули, что об этом постоянно просят прихожане. Архиепископ Гомельский и Жлобинский Аристарх сказал, что возвращение возможно, если о. Георгий зачитает и подпишет подготовленный для этого случая документ. Пробежав бумагу глазами, опальный клирик сказал: “Владыка, здесь какая-то ошибка. Я не могу ни публично прочитать, ни подписать то, что не соответствует действительности. Я знаю о. Георгия Кочеткова, знаю, что он никогда не отказывается крестить детей, что он никогда не учил не почитать Божью Матерь. Все, что здесь написано — неправда”. После этих слов участники собрания пытались уговорить о. Георгия Волковинского “проявить смирение” и подписать все, что дают. Когда уговоры не подействовали, епископ предложил о. Георгия покинуть собрание. Ниже мы публикуем рассказ о. Георгия Волковинского о предыдущем епархиальном собрании, также обращавшемся к его “персональному делу”.

Накануне Пасхи в Великую Среду мы встречались с владыкой Аристархом, и он пригласил меня на епархиальное собрание для того, чтобы я мог сказать пару слов по поводу обвинений, которые на меня возводятся, чтобы священники могли высказать мою позицию и определить, могу ли я дальше продолжать свое служение или нет. Я был приглашен как гость, поскольку в соответствии с Указом № 19 от 5 марта 2003 года я не являюсь клириком Гомельской епархии.

13 мая я пошел на собрание, предварительно написав свое обращение к владыке Аристарху и к собранию. В нем я говорил, что хочу перед всеми ясно заявить о своей церковной позиции в надежде быть услышанным и защититься от абсурдных обвинений; хочу заявить о том, что я отрицаю от всех лжецерковных учений, от всех ересей, которых я никогда не имел, никогда не придерживался и сейчас не придерживаюсь, что о «лжецерковном учении кочетковцев» я никогда не знал и узнал только из Указа № 19 владыки Аристарха. Также в своем обращении я говорил, что я осуждаю все виды расколов, в том числе карловацкий раскол или так называемую зарубежную церковь, заявляю о своем подчинении иерархии нашей церкви и прошу разрешить мне продолжать дальнейшее пастырское служение.

Собрание началось около 10 часов по Минскому времени с доклада о жизни священника Игнатия Брянчанинова, так как 13 мая был день его памяти. Потом был доклад о молитве. После этого стали разбирать актуальные вопросы епархиальной жизни: перехватывание треб с одного прихода на другой, то, как печатать землю, как правильно в покрывало заворачивать умерших людей. В таком духе епархиальное собрание продолжалось более двух часов. Владыка Аристарх уже начал говорить, что пора оканчивать. Я был немножко в мушлении, так как собирался оканчивать, а про меня не вспомнили, но тут владыка сказал, что есть еще один вопрос — это кочетковцы. Он начал говорить о том, что два дня назад в Турове встречался с владыкой Филаретом и сказал ему, что отец Георгий Волковинский не хочет отречься от своих друзей-сектантов, на что владыка Филарет ответил: «Обязательно наказать». После этого он мне сказал: «Отец Георгий, встань». Я встал и говорю: «Простите, владыка, но я вчера встречался с владыкой Филаре-

том». Дальше мне не дали говорить, а я хотел сказать, что владыка Филарет сам мне говорил: дружи с кем хочешь, но не нарушай указов, не нарушай того, что тебе говорит епископ. Но мне не дали договорить. Владыка очень громким голосом сказал: «Иди сюда». Пока я к нему шел, он начал на меня жаловаться: «Вы подумайте, мне владыка митрополит сказал, что отец Виталий Боровой написал письмо с просьбой разобраться в этом деле. Он еще и отцу Виталию на меня нажаловался!». Когда я подошел к нему, он мне сказал: «Снимай крест». Я ответил: «Простите, владыка, я подготовил небольшое обращение к Вам и епархиальному собранию. Хотел бы его зачитать». Владыка Аристарх ответил: «А кто тебе даст его зачитать? Тебе никто не даст его зачитывать. Снимай крест». Я владыке ответил: «Простите, владыка, мы не в партии». Он сказал: «Что-о-о?». Я промолчал, видя, что владыка находится в сильном возбуждении, очень разозлился. Я решил не злить человека, чтобы не вводить его в грех. После этого владыка продолжал: «Снимай крест». Я промолчал. Владыка еще около десяти раз произнес свое предложение. Я понял, что с каждым разом он больше заводится. Я постарался как можно более смиренно ответить: «Мне моя совесть не позволяет снять крест». Тогда он сказал: «Я это сделаю сам». Встал со своего места, снял с меня крест и сказал: «Теперь читай свое обращение». Я зачитал свое обращение. После этого священники начали как-то все очень бурно реагировать, кричать (мне запомнились выкрики отца Игоря из храма Александра Невского, в котором я служил два года. Он кричал: «Мы не разделяем вашей ереси, мы не разделяем ваших заблуждений!»).

Я не стал давать никаких объяснений, потому что обстановка к этому не располагала. Разбираться в самом деле

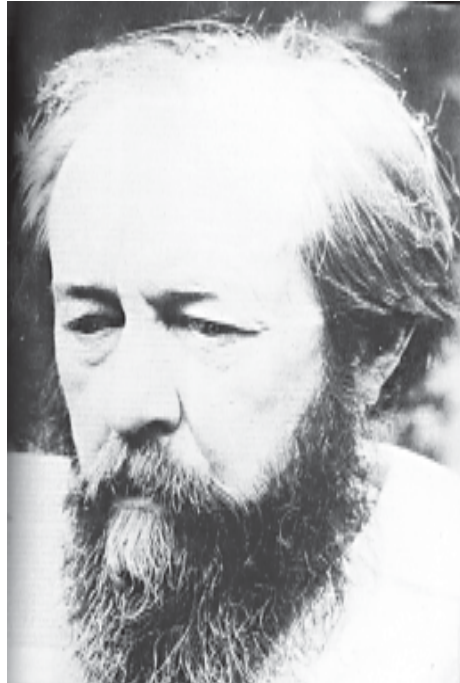
никто не желал, потому что началось все уже с обвинений и оскорблений. Когда стали задавать вопросы, было уже ясно, что цель одна: найти новые придири, новые обвинения. Конечно, в такой обстановке отвечать на все эти вопросы и выкрики было бессмысленно, поэтому я спокойно положил свое обращение на стол епископу, попросил у всех прощения, сказал, что я себя очень плохо чувствую: «Простите, мне нужно идти». Владыка сказал: «Иди». Я развернулся и вышел.

Что было дальше — не знаю. Я просил некоторых священников позвонить мне после конца собрания, но никто не позвонил. Видимо, люди или испугались, или подавлены происшедшим. Надеюсь, в свое время я узнаю, что там происходило после моего ухода.

15 мая в библиотеке-фонде "Русское зарубежье" состоялось вручение премии А.И. Солженицына двум поэтам — Ольге Седаковой и Юрию Кублановскому. Премия, в состав жюри которой входят Александр и Наталья Солженицыны, Никита Струве, Валентин Непомнящий, Павел Басинский, Людмила Сараскина, ежегодно вручается писателям, пишущим по-русски и живущим в России, чье творчество затрагивает вечные проблемы культуры и русской литературы. Так же как и помощь "пенсионерам ГУЛАГа" — бывшим политзаключенным — она выплачивается из фонда, основу которого составляют гонорары за "Архипелаг ГУЛАГ". Мы публикуем слово Ольги Седаковой, произнесенное во время торжественного вручения премии.

Естественным в этом случае, но совсем неформальным началом моих слов будет, конечно, выражение глубокой благодарности, глубочайшей радости. Присуждение премии Александра Солженицына — это великая честь для меня. Имя Солженицына — это, как все здесь знают, не просто имя значительнейшего писателя и мыслителя XX века, это в каком-то смысле имя самого исторического бытия страны, в которой мы родились. За именем Солженицына стоят миллионы, стоит океан человеческих судеб, голосом которых он был избран стать и принял это избрание, эту ношу, которая, вообще говоря, кажется непосильной для одного человека. И он донес ее. XX век богат примерами подвижничества, но мне трудно назвать другого человека, который в одиночку донес бы такую ношу: говорить за целую страну, лишенную и лишившую себя слова. То есть в каком-то смысле

просто полностью, так же как разделить сямских близнецов. Быть может, и в самом деле это порастет травой и станет для людей «как времена Веспасиана», словами Ахматовой, и уже во многом стало? Но, во-первых, я подозреваю, что трава эта не может не оказаться ядовитой. Не столько гражданская совесть, сколько художественная интуиция подсказывает мне, что ничего действительно хорошего таким образом не получается. Это во-первых, а во-вторых, для художника, как принято говорить, и вообще-то для любого живого человека и времени Веспасиана — свои времена. К тем, кто погиб при Веспасиане и других цезарях, повседневно обращается церковь. Мы надеемся, что они наши заступники. А что получается, когда на месте очищения практикуется вытеснение, в об-

здесь не то, даже если ты пока не знаешь, что это такое — оно находило себе неожиданные выражения. И, как правило, это выражение было довольно далеко от того, что называется гражданской лирикой, гражданскими мотивами. И вовсе не в силу эзопова языка. Оно давало совершенно другие формы. Я назову, например, философскую страсть Мераба Мамардашвили, блеск Венедикта Ерофеева, визионерские озарения поэзии Елены Шварц, гимническую живопись Михаила Шварцмана, сновиденческую картину зрительного ряда Андрея Тарковского, новую сакральную сонорность музыки Александра Вустина, ясную как день мысль Сергея Аверинцева, укорененную в родном и вселенском — мысль, которая проходила тысячелетия культурной и духовной истории нашей цивилизации. И вот все эти новые формы и новые смыслы, (естественно, я называю не все удаchi этих лет, но и этот список впечатляет), все они были, конечно, плодами внутренней свободы, того самого «усилия воскресенья» — именно они, с общим для них освещением. Я бы сказала, что во всех этих вещах, названных мной, дело происходит при свете почти беспредметной религиозности и необъяснимой надежды. Они отвечали на замолчанный вопрос времени, на вопрос об исцелении и об отдаче долга, о чем я говорила вначале.

Мне хотелось бы почему-то вспомнить свое совсем детское стихотворение, написанное лет в 16-17, которое ничуть не совершенно, но передает вот это чувство преждезнания, чувство того, что происходит. Это как раз пейзаж, как бы пейзаж ранней весны.

Течет воскрешение робко,
И нужно припрятать корой,
Студеною топлёю, ни тропки
Для глаза, для речи дурной.
Истоки слипаются в жилах,

Ольга Седакова

БЕЗЫМЯННЫМ ОСТАВИШИСЯ МУЧЕНИК

— Отречься? это было бы смешно.
Но здесь они — и больше никого.
До наших даже слуха не дойдет,
исключено.
Темница так темница —
до окончания мира.
Чтобы им
мое терпенье сделалось уроком?
что им урок — хотелось бы взглянуть!
Их ангелы, похоже, не разбудят,
не то что вот таких, иноязычных,
малютка — смерть среди орды смертей
в военной области. Никто, увы,
исключено. Никто глазами сердца
мой путь не повторит. Там что
решат?
от кораблекрушенья, эпидемий...
Вот напугали, тоже мне: никто.
Чего с них требовать. Они ни разу
не видели, как это небо близко,
но главное — как на больших детей
похоже... Верность? нужно быть
злодеем,
чтоб быть неверным. Уж скорей птенца
я растопчу или пинком в лицо
старуху мать ударю — но тебя,
все руки протянувшее ко мне,
больные руки! Кто такое может.
Я не обижусь, Господи. Никто.
Поступок — это шаг по вертикали.
Другого смысла и других последствий
в нем нет.
И разве вам они нужны?

ИЗ ЦИКЛА "СТАРЫЕ ПЕСНИ" ВТОРАЯ ТЕТРАДЬ

4. Уверение
Хоть и все над тобой посмеются,
и будешь ты лежать, как Лазарь,
лежать и молчать перед небом —
и тогда ты Лазарем не будешь.

Ах, хорошо сравняться
с черной землей садовой,
с пестрой придорожной пылью,

с криком малого ребенка,
которого в поле забыли...

а другого у тебя не просят.

10. Дом

Будем жить мы долго, так долго,
как живут у воды деревья,
как вода им корни умывает
и земля с ними к небу выходит,
Елизавета к Марии.

Будем жить мы долго, долго.
Выстроим два высоких дома:
тот из золота, этот из мрака,
и оба шумят, как море.

Будут думать, что нас уже нет...
Тут-то мы им и скажем:

— По воде невидимой и быстрой
уплывает сердце человека.
Там летает ветхое время,
как голубь из Ноева века.

СВЕТ НЕОБЪЯСНИМОЙ НАДЕЖДЫ

Речь Ольги Седаковой при вручении ей Солженицынской премии

быть за эту страну, потому что замолчанная, фальсифицированная реальность, реальность, у которой нет свидетеля, просто не обладает бытием.

Фонд, который удостоил высокой награды Юрия Кублановского и меня — это совершенно особый фонд. Как говорила Наталья Дмитриевна о его назначении, он связан с самой сердцевинной ближайшей истории, с той областью, которая видится нам одновременно и как величайшая беда и крушение, и как тяжелейшее преступление. Ни та, ни другая сторона до сих пор не обдумана и не принята всерьез. Так что после уже больше десяти лет прощания как будто бы с идеологией, страна наша не ответила на вопрос — что с нами было, откуда мы вышли, вырвались мы или нас удивительным образом отпустили, или мы вообще никуда не выходили да и не уходили? Я говорю, что это не принято всерьез, потому что беда и крушение, если они приняты всерьез, требует к себе как ответа попытки врачевания, или, словами Пастернака, «усилия воскресенья». А преступление, если оно принято всерьез, требует раскаяния и усилия хоть чем-то воздать долг перед жертвами этого преступления. И, быть может, если не единственное, то одно из немногих мест в России, где эти усилия осознаются и предпринимаются — вот этот Фонд. Потому что мы видим попытку построить совершенно другую траекторию истории, которая бы обходила вот эту зияющую вопиющую пропасть, как будто бы в надежде на то, что время лечит — между прочим, Т. Элиот по этому поводу заметил: «Время не лечит: пациента уже нет на месте», — в надежде на то, что рано или поздно все пройдет и травой порастет. И одна трава забвения покроем и палачей, и жертв, и тех, кто уверяли себя и других, что ни палачей, ни жертв у нас нет. Тем более, что в нашем случае, в отличие от германского, распределить участников по двум этим сторонам невозможно — порой

шем-то, известно: получается, на языке современной психологии, «хорошо защищенный невроз». А словами старого Платона — «дырявая душа» или «худая душа», так можно перевести это. Душа, которую ничем не наполнишь. Дырявая душа цинизма. И как все знают, последним плодом, характерным состоянием посттоталитаризма стало состояние всеобщего цинизма, которое при этом предлагается обществу как лекарство, как лекарство от фанатизма, как некоторая последняя трезвость.

И вот с тем, что этот выбор предлагается, связано и то, что поэзии становится труднее в этом пространстве, потому что с чем угодно она совместима больше, чем с цинизмом. Но такую трезвость мы уже знали, она не новая. Эта трезвость была в 70-е, в конце 60-х, в 80-е годы. В то время, которое обзывали застоём. В этом и состояло мучение моего поколения. В том, что мы должны были не знать и не помнить, потому что годы совсем людоедские, годы ГУЛАГа были уже прошлым, они были уже историей, и ее то требовалось не знать. И вот что мне говорит этот такой простой жизненный опыт: что все те, кто принимали это, как будто не слишком трудное, условие — не знать, где они живут (как говорили во время перестройки: «А мы не знали» по поводу множества удивительных поводов, чего не знали. И однажды Аверинцев заметил: «Кто это «мы»? Мы, например, знали. Что же вы так не хотели этого узнать от нас?» Но эта реплика прошла мимо ушей), так вот, все те, кто тогда согласился и не знал, они и превратились в то, что Бродский в своей Нобелевской речи назвал «жертвами истории». Художниками в реальном смысле слова они уж точно не стали. И все настоящее — я позволяю себе сказать это слово «настоящее» — поэты, музыканты, живописцы, мыслители этих лет знали. Это знание, которое больше похоже на чувство, на простую ориентацию, где ты находишься, на чувство Гамлета, что что-то

И если из них отцедить
Простынувший запах могилы,
Там силы еще не хватило
В молочную плоть заключить.
Не всю еще стужу прозябли,
Не всю еще смуту нессли,
Чтобы вызвать прощенья каплю
У без меры виновной земли.

И вот даже в этих несовершенных, далеко не блистательных строчках начинающего автора, мне кажется, можно почувствовать, какой целительной силой обладает искусство. Искусство, т. е. явление смысла и чувства вместе с формой. То есть в своей истинной простоте воплощенных, и находящихся формы... Мысли и чувства — они сложны, их нету. То, что есть, оно обладает этой простотой. И вот об этой возможности говорил опыт внутреннего освобождения, происходивший во многих формах и во многих лицах в конце той зловещей эпохи. Мы начинали верить, что нам есть что сказать людям. То, что складывалось в ответ на нашу историю, я назвала бы поэтикой выздоровления, поэтикой целительства.

Затем годы политического раскрепощения, мутные, шумные, ёрничающие в своем культурном выражении как будто отменили, совсем заваляли то начало, или лучше сказать те начала. Но то, что стало, что уже стало, как известно, неотменимо. И я по-прежнему думаю, что нам есть, что сказать после всего. Я думаю, что это точно наоборот известным словам о невозможности поэзии после Аушвица и ГУЛАГа. Как раз внутри этого, после этого человек как никогда ценит целительную силу свободного искусства. «Нам есть что сказать миру после нашего опыта», — сказал владыка Антоний Сурожский. Мало того, мы только начали это говорить. Конечно, эта возможность может показаться достоверной только для того, кто в этом «мы» слышит: я, лично я, вот такой-то — не жертва истории.

В современном российском обществе секс стал главной темой не только многочисленных бульварных газет и глянцевого журналов, но и вполне солидных изданий. Вокруг него кипят нешуточные страсти. Одни политики и общественные деятели пытаются безжалостно раздеть фотомодель, внедрить половое воспитание в школьные программы и на конкретных примерах рассказать мальчикам и девочкам про все-все-все. Другие, наоборот, хотят законодательно заставить фотомодель надеть закрытый купальник и вести себя чуточку поскромнее,

Костомаровой, а также подборка святоотеческих высказываний о браке. Артуро Каттанео неспешно, обстоятельно касается всех сторон жизни в браке, включая период «жениховства», от обручения до венчания. При этом он говорит и об «альтернативе» брачной жизни — свободной любви. По мнению автора, с которым наверняка согласятся все верующие, «свободная любовь» является синонимом безответственности, и любые уверения «я отношусь к нему (к ней) как к супругу, просто презираю формальности» на поверку оказываются иллюзией.

фессор без всякой тени ханжества подробно говорит об определении границ периодов менструального цикла и о других «неромантических» вещах. Это естественно. Да и сам христианский брак нередко начинается не с романтической влюбленности. В нем часто могут быть замешаны такие прозаические мотивы, как желание родителей, финансовые расчеты, получение иностранного подданства и тому подобное. Однако это совсем не значит, что он сводится к фикции. Даже построенный на расчете брак может состояться. Мне вспоми-

тельно неважен). В этом контексте все ситуации, когда брак практически перестал быть браком, оказываются связаны с выбором между пожизненным воздержанием и безответственным безбрачным сожительством, то есть смертным грехом. Возможно, для обманутой половины такое воздержание и окажется в итоге спасительным, но может оказаться и искусственным (именно на этом, судя по всему, основывались участники Собора Российской православной церкви 1917-1918 гг., когда расширили список возможных оснований для церковного признания недействительности брака — позиция православной церкви в этом вопросе гораздо менее ригористична). Тема воздержания активно разрабатывается в книге. Ведь даже в самые интимные моменты вместо принесения себя в дар другому в человеке вдруг может открыться что-то темное, греховное, погружающее его в стихию «непреображенного» эроса. «Трудно быть единой плотью, ибо греховность нашей натуры ищет разрыва, обособления, подчинения себе другого», — констатирует Зелинский. Ограничение этой стихии и даже отказ от нее помогает сохранить и обновить супружеский союз. Так что посты, призывающие к добровольному отказу от чувственности, укрепляют семьи.

Жизнь в браке требует постоянных творческих усилий, и без помощи Божьей он просто разваливается. Имея в виду эту благодатную поддержку, Влади-

мир Зелинский решает на сильное (хотя и не бесспорное) утверждение, что всякий подлинно состоявшийся брак между нехристианами можно было бы назвать формой «анонимного христианства».

Эту книгу, помимо всего прочего, можно рассматривать как экуменический (православно-католический) опыт противостояния безбожному миру. То, что роднит и автора-католика, и православных авторов, гораздо важнее и больше того, что их разъединяет. Хотя, оговорюсь сразу, экуменизм бывает разный. Есть экуменический опыт как совместное возвращение к истокам, традициям древней, неразделенной Церкви. А есть экуменизм как равнодушие к Истине, внешнее единство с сомнительными мнениями. Скажем, некоторые протестантские деноминации на западе венчают гомосексуалистов, то есть фактически поощряют содомский грех, и уже одним этим отсекают себя от глубокого экуменического разговора.

Среди книг, посвященных проблемам пола, наше издание смотрится несколько старомодно. Но такова уж, видимо, роль христианства в постмодернистском мире — говорить о вещах, которые мир старается забыть: о вечных ценностях, когда все ценности перемешаны и поставлены под сомнение, о долге и чести, когда рыцарство явно не в почете, и о семейной верности, призывании к святости в любви и надежде.

Борис КОЛЫМАГИН

ТРУДНО БЫТЬ ОДНОЙ ПЛОТЬЮ

проблемы христианского брака

а половое просвещение ограничить двумя-тремя уроками в курсе по биологии. Интерес к некогда потаенной стороне человеческой жизни искусственно поддерживается модой и постмодернистской игрой, завязанной на мощную индустрию развлечений.

Христиане, оказавшиеся невольно втянутыми в шутовской хоронизм бизнеса, конечно, могут, как делают это представители комитета «За нравственное возрождение Отечества», насупить сурово брови. Но жест этот мало кого впечатляет. Секуляризованное сознание склонно воспринимать любые ограничения как посягательство на свободу, а вынужденная аскеза (если насупленные брови все же кого-то испугают) может привести к еще большему разгулу. Христианство, как известно, «не доказывается, а показывается».

Можно сколь угодно долго клясть современную сексуальную культуру, но если ей не будет противопоставлена воцерковленная культура, внятные современнику образцы поведения, реальная помощь на пути к покаянию, к исправлению жизни, то весь полемический запал уйдет в песок.

Современной христианской литературы, где всерьез обсуждаются проблемы, связанные с браком и сексом, относительно немного. Тем ценнее появление на русском языке работы католического священника, профессора Папского университета Артуро Каттанео, который на протяжении ряда лет занимается пастырской подготовкой молодых пар к вступлению в брак. К ней подверстана глава, написанная переводчиками с итальянского, православным священником Владимиром Зелинским и его женой Натальей

Брак же подразумевает принятие себя в дар другому. Эта тема дара, пожалуй, является в работе формообразующей. Она органично сочетается с другой, не менее важной темой служения ближнему (в данном случае супругу). Развивая в современном контексте святоотеческую мысль о семье как малой церкви, автор подробно описывает светлые и темные моменты совместной жизни. В книге немало практических советов и тонких замечаний, о чем можно судить даже по названиям отдельных глав: «Уход за мужем (советы жене)», «Уход за женой (советы мужу)», «Уметь ссориться», «Подходящее «обрамление» для супружеского акта», «А если другой неверен?» и так далее. Отдельная глава посвящена регулированию рождаемости. Католики, как известно, отвергают контрацепцию в любых ее формах и допускают только естественные методы предохранения от беременности. Вот почему почтенный про-

нается хрестоматийный образ пушкинской Татьяны, оставшейся несмотря ни на что верной своему законному супругу. «Не столь важно романтическое или прозаическое начало брака, сколь важна его суть, его выбор между «браком-потреблением» и «браком-даром». Эта установка нашего духа оказывается существенней первоначальной влюбленности или отсутствия таковой», — пишет о. Владимир Зелинский. Замечательны в этой связи размышления святителя Иоанна Златоуста, помещенные в конце книги. Это идущее из глубокой древности свидетельство может заставить сомневаться в романтическом мифе о заведомой негодности брака по воле и выбору родителей: «Девушка, столь долго находившаяся в своем доме, никогда раньше не видевшая своего супруга, с первого дня желает и любит его как собственное тело, — утверждает святитель. — Так и мужчина, никогда ее не видевший, никогда с ней даже не говоривший, с первого же дня предпочитает ее друзьям, родственникам и даже собственным своим родителям».

В жизни, однако, бывает так, что венчанный брак распадается. Авторы приводят немало доводов, объясняющих возможные причины семейной катастрофы. Но не рассказывают о возможных путях выхода из нее. Как известно, католики не признают развода (во многом это связано с жестким «юридическим» пониманием сакраментологии, вопроса о действительности и действительности таинств, когда важно лишь, чтобы «формула» была произнесена правильно, а ответ человеческого сердца на происходящее сравни-

СВЯТО-ФИЛАРЕТОВСКИЙ ПРАВОСЛАВНО-ХРИСТИАНСКИЙ ИНСТИТУТ

ОБЪЯВЛЯЕТ ПРИЕМ СТУДЕНТОВ

на 2003-2004 учебный год

дневное отделение
вечернее отделение
заочное отделение

Вступительные экзамены:

6 сентября - письменный экзамен

8 сентября - устный экзамен

9, 10 сентября - собеседование

Прием документов в канцелярии Института:

с 1 мая по 29 июня

с 1 августа по 5 сентября

(понедельник - пятница с 10.00 до 18.00)

по адресу: 105062, Москва, ул. Покровка, 29-38

тел./факс (095) 923-03-80

e-mail: institute@sphilaret.ru

Homepage: <http://www.sfi.ru>

НАШУ ГАЗЕТУ МОЖНО ПРИОБРЕСТИ:

В Москве: в редакции (в настоящее время находится в помещении СФИ - ул. Покровка, д.29, оф.38), в центре религиозной литературы ВГБИЛ им. Рудомино (ул. Николаямская, д.6), в книжном киоске первого гудфака МГУ
В Санкт-Петербурге: в магазине «Слово» (Малая Конюшенная, 9)

ТЕЛЕФОНЫ РАСПРОСТРАНИТЕЛЕЙ:

Москва: 397-48-40 (д) 923-03-80 (р) (Александра Колымагина)
СПб: 8-9216449348 (Анастасия Наконечная) Тверь: 8-0822502308 (Олег Ермолаев)

Редакторы:
Александр Буров (СПб)
Александра Колымагина (Москва)

Над номером работали:
Владимир Лидский
Дмитрий Матвеев
Анастасия Наконечная
Елена Чеботасва
Александра Ошарина

Иллюстратор: Татьяна Аразян
Дизайн: Андрей Маресев
Верстка: Татьяна Тыртыш

Тел./факс: (095) 923-03-80
e-mail: kifa@list.ru
Тираж 1000 экз.

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ №77-14924 от 26 марта 2003 г.